

Я. СУЩЕВСКИЙ <Я. Г. БЛЮМКИН>

День Троцкого

У кондуктора, у чернорабочего, у любого советского служащего есть восьмичасовой рабочий день, окарауливаемый ВЦСПС и Кодексом Труда.

У Л. Троцкого этого дня нет.

Его рабочий день переваливает за восемь часов и, по состоянию времени, день — ночью может быть еще в самом разгаре.

По времени так было все эти пять лет. Но содержание дня, его, так сказать, внешний стиль и внутренний смысл, конечно, зависели от того, что переживала сегодня Советская Республика.

По нервности, напряженности, историческим последствиям, подвижности, по количеству произнесенных речей, характеру действия, дни Л. Троцкого в пределах 21–22 годов отличаются от дней 18 или 19 годов. Теперь — «и стих и дни не те».

На путях Николаевского вокзала отдыхает поезд Троцкого — революционный бродяга со скоростью тигра покрывший не раз страну — и горячечные дни Л. Троцкого, выскочившие из обычного темпа, теперь вернулись к нему. Вместо железнодорожных узлов, дивизионных халуп, областных городов, шоссе, поездных салонов они сосредоточились на старой пустынной Знаменке, в бессолнечных дортуарах царского военного училища.

Военных фронтов нет — это верно. Но есть фронты — промышленный, художественный, алкогольный, вшивый, пуговичный, авиационный, морской, церковный, французский фронт в Коминтерне, и мысль, энергия Троцкого объезжает, ревизует, направляет эти фронты, как раньше военные, создает на них

переломы и добивается побед не менее — значительнее боевых, хотя не в пример им лишенных патетических реляций и пронзительных, сладостных фанфар.

Л. Троцкий начинает с газеты. Она служит ему средством бытовой связи и деловой информации. Он ее читает, словно доклад выслушивает, и очень часто газетные сведения влекут за собою его спешные запросы, многочисленные различные мероприятия.

Очень часто телеграммы «Роста», репортерская заметка, заезжее интервью прокладывают дорогу какому-нибудь принципиальному решению, одобрению, хлесткому порицанию, теоретическому анализу, сделанному тут же по свежим следам происшествий.

В этом утилитарном, служебном отношении к газете, как средству ориентировки в дне сказывается высокая культурность — и политическая и журналистская — вождя революции и публициста революции.

Затем, в разное время дня и ночи Троцкий читает и диктует.

Что читает?

Все, что может быть адресовано Наркомвоену РСФСР и что может интересовать международного социалистического публициста, по выражению Шоу, короля памфлета. — Все: от subordinированного военного рапорта с эпитетами «вышеозначенный и подлежащий» — странички штабной хрестоматии — до математических результатов обследования заработной платы крупнейших предприятий, — нашей астрономической статистики; от частного захолустного прошения — грустной житейской слезницы до изысканной дипломатической шифровки — мировой коммерции; от газетной передовицы — политического забияки — до книги Каутского об усопшей в России демократии — старческого, талмудического препирательства по поводу марксистской ижицы; от томика Ветлугина — кокаина-романа — до томища Ландау — бесконечной философской эпитафии умирающей Европы: от доклада о бандитизме — фантастической русской летописи — до сводок Коминтерна о международной революции, о движении — свистопляске целых капиталистических континентов. — И Шпенглера с Эйнштейном, и «Таймс» с «Таном», и «Дни» с «Рулем», регулярно получаемые вместе со всей европейской прессой.

На его столе военная тактика гениального чудака и балагура Суворова познала книжное соседство с тактикой Маркса, чтобы

прихотливым образом соединиться в голове одного человека, обслуживающей запросы, проблемы, тактику революции.

Читает с карандашом в руке, который держит, как хирург зонд, подчеркивает, размечает, нумерует мысли авторов, ассоциирует, делает полемические замечания — и книга возвращается с его анатомического стола, как препарированный труп.

Что диктует?

Запросы, резолюции, ведомственные назидания, приказы, статьи, брошюры, дружеские и саркастические письма, отписки, воспоминания — короткие и длинные, сухие и пылающие, стилистически-тщательные, блестящие, являющиеся образцом эпистолярного стиля и памфлетической реплики, восторгавшей Брест-Литовскую удалца гр. Чернина, все точное, ясное, деловое. Диктует по всем адресам и направлениям — на Лубянку, на Покровку, в Париж, подпольным друзьям.

Да, Париж, в шестнадцатом году изгонявший Троцкого и теперь трижды блокированный и забронированный от того же Троцкого контрразведкой Пуанкаре, в Париж, — ибо кабинет Троцкого — небоскреб мировой политики.

И недаром меньшевистскому коммивояжеру Дану агенты Троцкого мерещатся в Париже до того, что он в последнем номере «Социалистического вестника» божится, что его освистали на недавнем докладе Парнаса не рабочие, а комсомольцы, организованные Московскими агентами, в столице Франции.

Отряд самокатчиков и мотоциклистов в течение дня и ночи с фронтовой быстротой развозит во все концы бесконечной Москвы эту государственную деловую литературу Наркома — итог его дня — критическую саранчу, которая пожирает не одну ошибку, не одну глупость на трудовом Советском поле.

В деятельности Троцкого в течение дня — становясь постоянной в нем, вырисовывается прежде всего, черта утилитарного деспотизма.

Он читает и скальпирует книги, газеты, доклады не для себя, — он стремится обобрать до нитки их каждую строку, страницу, отыскать в ней карандашом хотя бы микроб пользы для Советской Республики, русского и международного пролетариата, которые для него не абстракция, а живые, постоянно ощутимые факторы работы.

И пускай за недостатком времени он физически не присутствует на рабочих собраниях, он бывает на них мысленно, постоянно

остро ощущая малейшее колебание массовых настроений. Точно так же он умеет с неослабным вниманием, ставшим сознательным инстинктом, со своей вышки следить за нынешней Красной армией, ее внутренними переживаниями и усилиями, приходит им на помощь и следить за каждым шорохом на внешних границах.

В течение дня тишину его скромного, перестроенного из угла казарменного зала-кабинета, осаждают телефонные звонки, звучащие разрывами снарядов. По телефону, в котором он ценит — экономнейшее средство общения, им делается едва ли не половина дела. С Реввоенсоветом, со Штабом РККА, размещенными тут же в здании, с необозримыми по числу государственными учреждениями он решает все возникающие вопросы — по телефону.

Внешние дни монотонны, не суетны, сосредоточенны. Лишь в период Съездов Советов, партии, конгрессов Коминтерна, они снова, как бы выходя из темпа, заполняются заседаниями, лихорадочным, тщательным штудированием материалов, переговорами, приемами, которых обычно мало, и частными скачками машины. Но текущая работа не превращается, а лишь отодвигается на второе место в рабочей очереди.

Как организационно работает Троцкий?

Метод работы всегда один. В основу его положен принцип разделения труда, вплоть до поручения синтаксической правки речей и подготовки книг к печати из огромного литературного имущества прошлой эпохи — другим, и математический учет времени, т. е. принципы тейлоризма.

В своей работе Троцкий делает только то, что он один должен и может делать, все остальное доведут до конца другие, — его сотрудники. Он диктует, шагая и бегая по кабинету, другие переписуют, педантически поставят запятые и двоеточие, подпишут, сдадут самокатчику, проследят судьбу пакета до конца.

Он пишет статью, другие — библиотекари — найдут нужную цитату из Маркса, из Блока, из Энгельса и Клаузевица, переписуют, обозначат, а иногда и сами включают в оставленное для нее по мысленному расчету место, в продиктованной статье.

Троцкий готовится к решающему, правительственному или партийному докладу, — библиотека, по заданиям, найдет всестороннюю литературу, секретариат соберет материалы у ведомств, подаст в кабинет толстые папки, которые вернутся в результате

использования и обработки, как бы после Мамаева побоища, карандашей и ножниц.

Аппарат Троцкого состоит из комбинации простых, но всемогущих вещей стенографиста, телефонного коммутатора и хорошего автомобиля — всего, что сокращает движение, содействует усилию экономить энергию. В этом смысле, говоря полушутливо Гастеву¹, если бы это было возможно, не мешало бы устроить экскурсию Института Труда... в кабинет Троцкого.

Так же как и Кропоткин², Троцкий отдыхает или переходом к другой работе, или сменой темы и объектов, или в спорте.

Статьи о художественной литературе, сопровождавшиеся огромным чтением десятков книг, сборников, статей и диктовавшиеся летом 22-го года, насколько нам известно большей частью по телефону с дачи, были специальной работой, но в то же время и отдыхом от обычной работы.

Иногда, очень устав, Троцкий охотится, бегаёт на лыжах, удит рыбу, играет в крокет и шахматы.

Так работает Троцкий, этот — вчера политический скиталец, изгнанник буржуазных государств, социалистический теоретик, сегодня, овладевший искусством государственного управления в огромной стране в переломную эпоху, универсальный человек, представляющий универсальное средоточие высоких человеческих интересов — вождь революции.

